
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

© С.А. КОЗЛОВ
sergeikozloff@mail.ru

УДК 930(495.2:94(47)).02

ВИЗАНТИЙСКИЕ АВТОРЫ ОБ УЧАСТИИ ПЕЧЕНЕГОВ В РУССКО-ВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЙНЕ 970–971 гг. И ИХ ИСТОЧНИКИ*

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются сообщения византийских авторов об участии печенегов в русской кампании императора Иоанна Цимисхия (969–976). Автор уделяет специальное внимание проблеме первоисточников и особенностям развития византийской исторической литературы X–XII вв.

SUMMARY. The paper analyzes the testimony of Byzantine authors about the participation of Pechenegs in the Rus' campaign of emperor John Tzimiskes (969–976). The author pays special attention to the problem of primary sources and the development of characteristics Byzantine historical literature of the 10th–12th centuries.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Византийская историческая литература, Лев Диакон, Иоанн Скилица, русско-византийские войны, печенеги

KEY WORDS. Byzantine historical literature, Leo the Deacon, John Skylitzes, Rus'-Byzantine wars, Pechenegs

Интерес, издавна проявляемый исследователями к дунайским походам князя Святослава Игоревича (945–972), определяется в первую очередь той оценкой их места в истории, которая в свое время была четко сформулирована Б.Д. Грековым: «Уже один тот факт, что Святославом интересуется весь тогдашний мир, что его хорошо знают и на Западе и на Востоке, говорит о серьезной роли Руси в тогдашних международных отношениях» [1; 459]. И действительно, сложные события истории Юго-Восточной Европы на рубеже 60–70-х гг. X в. относительно подробно освещены в письменных источниках самого разного происхождения, среди которых безусловным приоритетом обладают памятники двух культурно близких традиций — византийские «истории» и хроники и русские летописи. Обе традиции о войнах Святослава, византийская и русская, многократно анализировались (из последней литературы см. [2; 80–91]; [3]; [4; 34–37]; [5; 49–53]; [6];

* Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (№ МК-4785.2010.6).

[7; 237-240]; [8]; [9; 98-99]; [10; 48-53]), однако ряд важных трактовок сообщаемых ими сведений продолжает вызывать разногласия, что обуславливает особую актуальность обращения к заявленной теме.

Вероятно, главная сложность в изучении средневековых текстов заключается в полисемантности нарративных данных: лежащая в их основе историческая информация сильно контаминирована книжными теориями и учеными конструкциями, поэтому в каждом конкретном случае при использовании этих данных остро встает вопрос о проверке их достоверности, решение которого требует специальных процедур, источниковедческого анализа. Недооценка этого обстоятельства и буквальное, зачастую наивное, следование тексту источника, ведет к искажению представлений об истории изучаемых событий. Так, почти ни одно исследование по истории балканских походов Святослава не обходится без упоминания о жестокой кончине русского князя, описанной в летописи под 6480 (972) г. (ПСРЛ, II, стб. 61-62): Приде Сѣославъ. в пороги. и нападе на нѣ Курѣ кнѣзь Печенѣжьскыи. и оубиша Сѣослава. и взяша голову его . и во лбѣ его здѣлаша чашю . ѡковавше лобъ его. и пыаху в немъ. Как правило, исследователи не сомневаются, что летописец рассказывает здесь о реальных обстоятельствах смерти Святослава, тем более что о гибели князя в печенежской засаде сообщают и византийские авторы (Leon. Diac. *Hist.* 157.13-21 Hase; Scyl. 310.69-73 Thurn=Cedren. II, 413.15-19 Bekker; Zonar. *Hist.* IV, 102.22-25 Dindorf). Однако И.Н. Данилевский, апробировавший методы современной герменевтики на *Повести временных лет*, сопоставив этот сюжет с изложенной Геродотом легендой об отрубленной голове персидского царя Кира Великого (I, 214), убедительно показал, что он является плодом метафорического осмысления летописцем последних лет жизни Святослава и, скорее всего, лишен исторической достоверности [11; 165-167].

Отдельной проблемой является историческая основа данных византийской традиции — в первую очередь рассказов Льва Диакона и Иоанна Скилицы о войне императора Иоанна I Цимисхия (969-976) со «скифами» — коалицией русов, болгар, венгров и, возможно, печенегов (участие последних в этом войне засвидетельствовано не всеми византийскими авторами). Проверка историчности сведений этой традиции в части, касающейся гипотетического участия печенегов в русско-византийской войне 970-971 гг. (о хронологии балканской кампании Святослава см. [12]; [13]), и является целью настоящей работы. Говоря об этой проблеме, следует разделять два ее аспекта. Первый этап состоит в реконструкции «генетического досье» текстов произведений византийских авторов и определении круга источников, на которые они опирались при изложении интересующих нас событий. Второй этап заключается в выявлении литературных (авторских) компонентов этих произведений с целью отделения от них исторической информации. Из-за ограниченности объема в данной статье мы остановимся на первом аспекте проблемы.

Первым из ныне известных византийских авторов о войне Цимисхия со Святославом рассказывает младший современник событий, автор второй половины X в. Лев Диакон (*Hist.* 103.11-145.8, 147.23-157.21 Hase). Его «История», дошедшая в единственной рукописи Parisinus graecus 1712 XII в., охватывает время царствования трех императоров — Романа II Лакапина, Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия, т.е. 959-976 гг., затрагивая также первые годы

Василия II Болгаробойцы (976-1025), и была написана в начале 90-х гг. X в. [2; 81]; [14; 117]; [15; 398]. При этом Лев Диакон утверждает (5.19-22, 65.8 Hase), что был свидетелем (τεθέαμαι) описанных им событий, а о том, чего сам не видел, писал на основании услышанного от очевидцев (ιδόντων). Это заявление византийского историка стало камнем преткновения для многих исследователей, считавших, что Лев Диакон на самом деле писал свою «Историю» как очевидец, и тем самым отдававший ему приоритет перед другими авторами [4; 35]; [6; 150]; [15; 398-399]; [16; 72]; [17; 312]. Однако такое мнение не выдерживает критики: во-первых, приведенные слова являются подражанием [18; 397-398]; [19; 13]; во-вторых, как показывают специальные исследования труда Льва Диакона, его личные наблюдения относятся в основном к второстепенным фактам и, например, для освещения русской войны он пользовался письменными источниками [20; 42]. Так, явной ученой конструкцией является экскурс Льва Диакона в этнографию печенегов, роль которых в этой войне он ограничивает их причастностью к гибели Святослава, возвращавшегося на Русь по завершении войны (157.13-18 Hase): Ὁ δὲ Σφενδοσθλάβος, τὸ Δορίστολον ἀπολιπὼν καὶ τοὺς αἰχμαλώτους προσεπίδοὺς κατὰ τὰς σπονδὰς, ἀπέπλει μετὰ τῶν περιλειφέντων ἐταίρων, ἐπὶ τὴν πατρίδα ἰέμενος. Πατζινάκαι δὲ παρὰ τὸν ἀπόπλου ἐλλοχῆσαντες, ἔθνος νομαδικὸν τοῦτο καὶ πολυάνθρωπον, φθειροφάγον τε καὶ φερέοικον, ἐπ' ἀμαξῶν ὡς τὰ πολλὰ βιωτέον — «Когда Сфендослав оставил Дористол и вернул согласно договору пленных, он отплыл с оставшимися соратниками, устремившись на родину. По пути им устроили засаду патцинаки, многочисленное кочевое племя, которое пожирает вшей, возит с собой жилища и большую часть жизни проводит в повозках». Употребленный здесь эпитет φθειροφάγον образован от слова φθεῖρ, φθειρός, «вошь, вредитель», и восходит к античной традиции — о существовании скифского племени, питавшегося вшами, писали Геродот (IV, 109: φθειροτραγέουσι), Страбон (XI, 2.1: φθειροφάγον) и др. Трудно сказать, откуда Лев Диакон заимствовал данное определение, во всяком случае, приведенное здесь же описание кочевнического образа жизни встречается у обоих древних авторов (ср. Hdt. IV, 46: φερέοικοι; Strabo XI, 2.1: νομάδες καὶ ἀμάοικοι) [19; 200, п. 65-66].

Следующим (хронологически) о русской войне Цимисхия пишет хронист второй половины XI в. Иоанн Скилица (287.91-291.99, 294.98-303.52, 304.74-310.73 Thurn). Судя по обилию списков (см. специально [21; XX-LVI]), «Обозрение истории» Скилицы, имеющее первостепенное значение для периода аморейской и македонской династий и как бы продолжающее «Хронографию» Феофана Исповедника, обрывающуюся на 811 г., пользовалось авторитетом уже у современников и, в частности у Иоанна Зонары, Константина Манасси, Михаила Глики и Георгия Кедрена (в своей компиляции для периода 811-1057 гг. почти дословно воспроизведшего соответствующий фрагмент Скилицы). Перечисленные авторы также сохранили известия о войне Цимисхия с русами (Zonar. Hist. IV, 94.4-102.25 Dindorf; Const. Manass. Chron. 5888-5908 (250-251 Bekker); Mich. Glyc. Ann. 574.9-12 Bekker; Cedren. II, 383.14-388.13, 392.21-403.21, 405.3-413.19 Bekker), однако все они, прямо или косвенно (через посредство Зонары), в данном месте зависят от Скилицы [14; 111-112]; [20; 70-71].

О печенегах в этой войне Скилица сообщает дважды. Первый раз он упоминает «патцинаков» (Πατζινάκας) наряду с болгарами и венграми в числе союзников «росов и их архига Сфендослава» (οἱ Ῥῶς δὲ καὶ ὁ τοῦτων ἀρχηγός

Σφενδοσθλάβος), укрепившихся близ Аркадиополя (Ἀρκαδιουπόλεως, совр. Люлебургас). Согласно Скилице, византийский магистр Варда Склир, пользуясь тем, что «скифы» ослабили бдительность, выслал наблюдательный отряд во главе с патрикием Иоанном Алакасом, который столкнулся с печенегами и, изобразив отступление, увлек их в засаду, где они и были разбиты. При этом хронист подробно останавливается на военной хитрости ромеев, стычках с печенегами и их поражении (288.14-290.66 Thurn, ср. Zonar. *Hist.* IV, 94.9-95.9 Dindorf) (Р.Г. Скрынников [4; 36] и П.П. Толочко [5; 51] ошибочно атрибутируют это сообщение Льву Диакону). Из того же фрагмента Скилицы мы узнаем, что накануне этого сражения «варвары разделились на три части — в первой были болгары и росы, турки же и патцинаки выступали отдельно» (τριχῆ δὲ τῶν βαρβάρων διαιρεθέντων Βούλγαροι μὲν καὶ Ῥῶς τῆν πρώτην ἀνεπλήρου μερίδα, Τοῦρκοι δὲ καθ' ἑαυτοὺς ἦσαν μόνοι καὶ Πατζινάκαι ὡσαύτως). Именно отсутствие единства внутри коалиционных сил во многом предопределило разгром и ранний выход печенегов из войны, вслед за которыми, видимо, последовали и венгры, поскольку после аркадиопольской битвы ни те, ни другие больше не упоминаются как активные участники «скифской» войны Цимисхия. Второй раз Скилица сообщает о печенегах в рассказе об их засаде на князя Святослава (309.45-310.73 Thurn), приводя при этом подробности, отсутствующие у Льва Диакона (например, о посольстве к печенегам архиепископа Евхаитского Феофила, отправленном Цимисхием «по просьбе Сфендослава» (αἰτήσαντος καὶ τοῦτο τοῦ Σφενδοσθλάβου); о недовольстве печенегов миром, заключенным Святославом с византийцами).

Несмотря на эти различия, сведения Льва Диакона и Скилицы сходятся во многих существенных моментах: оба автора видят причину вторжения Святослава в Болгарию в посольстве Калокира, отправленном Никифором Фокой к русам; сообщают в целом об одних и тех же действующих лицах и ключевых эпизодах русской войны (ср. также сходство в передаче «варварских» имен и этнонимов: Σφενδοσθλάβος, Ἰκμωρος, Πατζινάκαι, Ῥῶς); оба завершают повествование о войне известием о гибели Святослава в печенежской засаде. Для нашей темы важно выяснить, какова природа этих сходств и различий (в осведомленности наших авторов или в способе их обращения с первоисточниками), что требует решения вопроса о соотношении двух исторических трудов. Уже К.Б. Газе в комментариях к своему изданию «Истории» Льва Диакона отметил ряд мест, где, по его мнению, Лев послужил источником Скилицы [18; passim]. В. Фишер в этой связи отождествил Льва Диакона со Львом Азиатом, упомянутым в прооимии к хронике Скилицы (3.28 Thurn: ὁ Ἀσιανὸς Λέων, ср. Cedren. I, 4.8 Bekker: Λέων ὁ Καρίας) ([22; 376]. См. также [23; XVI]). Однако из одного этого упоминания (к тому же весьма неопределенного) еще нельзя заключить, что труд Льва Диакона был известен Скилице — ведь даже в передаче одних и тех же эпизодов оба автора нередко расходятся друг с другом, и местами Скилица приводит подробности, отсутствующие у Льва Диакона [4; 116, 118]. Г. Вартенберг в свое время, сопоставив параллельные рассказы Льва Диакона и Скилицы, пришел к выводу, что первый излагает совершенно не зависимую от второго версию, и отверг их зависимость друг от друга [17; 317]. Этот вывод подверг критике М.Я. Сюзюмов, считавший, что византийские историки передают одну и ту же версию русско-византийской войны. Разбирая этот вопрос, он предположил, что, с одной стороны, Лев и Скилица пользовались общим источником,

передававшим благожелательную к императору Никифору Фоке традицию (источник Б, по обозначению М.Я. Сюзюмова), с другой — хронист имел в своем распоряжении еще один не известный нам труд (источник А), отражавший враждебную Никифору Фоке тенденцию, поэтому «настроенный в общем враждебно к Никифору, Скилица, наоборот, в тех местах, которые имеют сходство со Львом Дияконом, благоволит к императору и обнаруживает склонность оправдывать его» [24; 110]. Этот текст Б, согласно М.Я. Сюзюмову, составленный после 985 г., охватывал не только историю царствования Никифора Фоки, но и правление Иоанна Цимисхия, и был для Скилицы основным в соответствующем разделе его труда [24; 133]. М.Я. Сюзюмов считал, что Скилица многие факты приводит точнее, чем Лев Диякон, в творческом отношении зависящий от ранневизантийского писателя VI в. Агафия Миринейского. При этом, как показал исследователь, речь идет здесь не только о стилистическом подражании или простом заимствовании отдельных слов и пассажей, что подметили уже К.Б. Газе и К. Крумбахер, но о гораздо более глубокой взаимосвязи: Лев Диякон усматривал аналогию между временем Агафия, оставившего описание войн, которые Византия вела в конце правления Юстиниана I (527-565), и византийской современностью второй половины X в., когда после побед и завоеваний Никифора Фоки и Цимисхия (так же, как некогда после успешных походов Велисария и Нарсеса), ромейское государство вступило в полосу кризиса [24; 140]. Подражая Агафию, Лев заимствует у него план и значительную часть предисловия, почти дословно воспроизводит некоторые эпизоды военных кампаний, а также многие речи (ссылки на источники см. [18; 403 А, 413 В, 415 В ff.]), [20; 50]; [24; 142-144].

Гипотеза М.Я. Сюзюмова была поддержана такими авторитетными византистами, как Ф. Дельгер, Г. Острогорский, Д. Моравчик [12; 274]; [15; 336]; [25; 176, Апп. 3]. Однако А.П. Каждан, хотя и принял главный вывод М.Я. Сюзюмова о наличии общего для Льва и Скилицы источника Б, иначе определил как время составления этого памятника, так и его характер и политическую направленность. Согласно его мнению, этот источник Б, представлявший собой семейную историю малоазийского рода Фок, был написан в период правления Никифора Фоки незадолго до его гибели в 969 г., поскольку, «если бы автор “Истории Фок” знал об убийстве Никифора Фоки клеветами Цимисхия, то было бы совершенно необъяснимым благожелательное отношение к Цимисхию в первых книгах “Истории” Льва Диякона и в восходящих к “Истории Фок” частях хроники Скилицы» [4; 121]. Соответственно, второй источник Скилицы в этой части — текст А, составленный позднее 985 г. и направленный против Константина Багрянородного и Никифора Фоки, происходил из аристократических кругов, близких к Иоанну Цимисхию и патриарху Полиевкту, и охватывал период 945-976 гг. Говоря об источниках второй части «Истории» Льва Диякона, имеющей ряд общих мест с хроникой Скилицы (включая некоторые эпизоды из истории русской войны, особенно рассказ о поединке императорского телохранителя Анемаса со «скифом» Икмором), А.П. Каждан считал, что все эти места восходят к каким-то устным или письменным преданиям, которые вполне могли быть известны обоим авторам. В то же время значительные расхождения как в порядке изложения, так и в трактовке отдельных эпизодов не позволяют предполагать существование какого-то одного, общего

для Льва и Скилицы источника в части, посвященной царствованию Цимисхия [14; 124-125].

Что это за устные или письменные предания, к которым могли обращаться византийские авторы, А.П. Каждан не уточняет. Впрочем, уже Г. Вартенберг, объясняя сходство рассказов о схватке Анемаса и Икмора у Льва Диакона (*Hist.* 149.4-12 Hase) и Скилицы (304.91-6 Thurn), заметил: «die Heldentaten des Russenkrieges im Volksgesange fortlebten» [17; 316]. Вполне вероятно, что, помимо сочинения Агафия, Лев Диакон в своих описаниях батальных сцен и подвигов ромейских ратников и императоров брал за образец византийские эпические новеллы, ставшие весьма популярными после военных успехов Никифора Фоки и Цимисхия [26; 80]. Такие новеллы, первоначально существовавшие в виде устных народных сказаний, затем, в зависимости от личных пристрастий, эрудиции и авторского замысла, могли попадать в византийскую литературу. Кроме уже упомянутого отрывка, явно эпический характер имеют рассказы Льва Диакона об отваге и удали Иоанна Цимисхия (*Hist.* 96.19-97.23 Hase), об единоборстве юного патрикия Константина со «скифским» богатырем (109.20-110.9), о необыкновенной силе Феодора Лалакона, убившего множество врагов своей железной булавой (144.23-145.3), и под. (ср. [26; 93-94]).

Таким образом, по аргументированному мнению А.П. Каждана, общий для Льва и Скилицы источник Б («История Фок») не покрывал правление Иоанна Цимисхия. В таком случае, однако, возникает сложность: имеющиеся в соответствующих частях сочинений наших авторов сюжетные и лексические совпадения невозможно объяснить лишь их фольклорным происхождением. Это касается и интересующего нас рассказа Скилицы о битве под Аркадиополем, в которой печенеги, выступившие в составе русско-болгаро-венгерской коалиции, потерпели жестокое поражение, неосмотрительно поддавшись на отвлекающий маневр Иоанна Алакаса (288.14-290.66 Thurn). Этот рассказ обнаруживает существенную близость со свидетельством Льва Диакона (*Hist.* 108.18-111.7 Hase) о том, как Варде Склиру удалось заманить в засаду и разбить одну из двух русских армий, действовавшую совместно с «гуннами» (венграми) и «мисами» (болгарами) (ср. близкий сюжет у Агафия (*Hist.* I, 22 (60.21-62.13 Niebuhr)), который подобным образом описал «гуннскую» уловку юстиниановского стратига Нарсеса, хитростью заманившего в засаду франков). Сюжет обоих повествований достаточно близок: и Скилица, и Лев Диакон согласно сообщают о разгроме многоплеменной коалиции варваров, результат которого предопределила военная хитрость многоопытных ромеев в самом начале большого похода Цимисхия.

В связи с этим следует предположить, что в распоряжении наших авторов, наряду с профокадовским текстом Б, был еще один общий источник. Д. Моравчик в свое время полагал, что этим общим текстом мог быть некий *Kriegstagebuch* (что-то вроде «дневника военных действий»), который, правда, он отождествлял с сюзюмовским источником Б [15; 336]. Существование этого «дневника» в настоящее время признают многие исследователи [8], [27; 95, п. 63]. Согласно мнению С. МакГрас, проанализировавшей близкие рассказы Льва Диакона и Скилицы о решающей битве между дружиной Святослава и войском Цимисхия под Дристрой-Доростолом, этот памятник был составлен в начале правления Цимисхия для легитимации власти императора-узурпатора и оправдания затянувшегося болгарского похода ромеев (ср. ключевой эпизод

о чудесной «помощи» Святого Феодора Стратилата, решившего исход битвы и всей войны в пользу ромеев: Leon. *Diac. Hist.* 153.20-154.22 Hase и Scyl. 308.10-309.33 Thurn) [8; 160 ff.].

Итак, завершая обсуждение первого аспекта проблемы, можно заключить, что в основе раздела хроники Скилицы, посвященного правлению Цимисхия и его русской войне, лежат как минимум два источника. Первый из них — общий со Львом Диаконом памятник первой половины 70-х гг. X в., был написан по горячим следам только что завершившейся длительной войны с русами для прославления подвигов Иоанна Цимисхия и, видимо, упоминал печенегов вскользь, лишь в эпизоде с их засадой на Святослава, в связи с чем Лев Диакон, для которого это был здесь основной письменный источник (ср. [20; 52-54]), и прибег к отмеченной выше контаминации. Вторым источником Скилицы в этой части — текст А (не известный Льву Диакону), написанный в конце X в. и в соответствующем разделе являющийся его *Hauptquelle*, очевидно, и содержал известие об участии печенегов в битве под Аркадиополем. В пользу этого предположения может свидетельствовать фрагмент о разгроме печенегов Вардой Склиром у Иоанна Зонары (*Hist.* IV, 94.20-23 Dindorf), которому наряду с хроникой Скилицы был известен и источник А [14; 113-114]; [20; 61-62].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
2. Бибииков М.В. *Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси*. Нарративные памятники. Т. I. М.: ЯСК, 2004. 736 с.
3. Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1982. 240 с.
4. Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси // Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 24-38.
5. Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб.: Алетейя, 2003. 160 с.
6. Толочко П.П. Летописные известия о походах Святослава на Дунай и их источники // ВВ. 2007. Т. 66. С. 146-154.
7. Curta, F. *Southeastern Europe in the Middle Ages, 500-1250*. Cambridge: UP, 2006. 496 p.
8. McGrath, S. *The Battles of Dorostolon (971): Rhetoric and Reality* // *Peace and War in Byzantium: Essays in Honor of George T. Dennis* / Ed. by T.S. Miller, J. Nesbitt. Washington, 1995. P. 152-164.
9. Spinei, V. *The Romanians and the Turkic nomads north of the Danube Delta from the tenth to the mid-thirteenth century*. Leiden; Boston: Brill, 2009. 545 p.
10. Stephenson, P. *Byzantium's Balkan frontier: A political study of the Northern Balkans, 900-1204*. Cambridge: UP, 2000. 352 p.
11. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
12. Dölger, F. *Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimiskes gegen die Russen* // *Byzantinische Zeitschrift* (далее — BZ). 1932. Bd. 32. S. 275-292.
13. Stokes, A.D. *The Background and Chronology of the Balkan Campaigns of Svyatoslav Igorevich* // *The Slavonic and East European review*. 1962. Vol. 40. № 94. P. 44-57.
14. Каждан А.П. Из истории византийской хронографии X в. 2. Источники Льва Диакона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия // *Византийский временник* (далее — ВВ). 1961. Т. 20. С. 106-128.
15. Moravcsik, Gy. *Byzantinoturcica*. Bd. I. 3. Aufl. Leiden: Brill, 1983. 609 S.

16. Krumbacher, K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527-1453). München: C.H. Beck, 1891. 494 S.
17. Wartenberg, G. Leon Diakonos und die Chronisten // BZ. 1897. Bd. 6. S. 285-317.
18. Hasius, C.B. Leonis Diaconi Caloensis *Historiae* libri decem. Bonnae: Impensis ed. Weberi, 1828. 624 p.
19. Talbot, A.-M., Sullivan D.F. The History of Leo the Deacon: Byzantine Military Expansion in the Tenth Century. Washington: Dumbarton Oaks, 2005. 264 p.
20. Карышковский П.О. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВ. 1953. Т. 6. С. 36-71.
21. Thurn, I. Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. Berolinensis; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 1973. 580 p.
22. Fischer, W. Beiträge zur historischen Kritik des Leon Diakonos und Michael Psellos // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1886. Bd. 7. S. 353-377.
23. Wortley, J. John Skylitzes: A Synopsis of Byzantine History, 811-1057. Cambridge: UP, 2010. 544 p.
24. Сюзюмов М.[Я.] Об источниках Льва Диякона и Скилицы // Византийское обозрение. Т. II. Отд. I. Юрьев, 1916. С. 106-166.
25. Ostrogorsky, G. Geschichte des byzantinischen Staates. 3. Aufl. München: C.H. Beck, 1963. 569 S.
26. Попова Т.В. Византийский народный и книжный эпос // Византийская литература. М., 1974. С. 77-121.
27. Holmes, C. Basil II and the Governance of Empire (976-1025). Oxford: UP, 2005. 625 p.